

Сегодня ты моя

Автор:

[Сандра Бушар](#)

Сегодня ты моя

Сандра Бушар

Он мне не брат и не друг. Он – просто мужчина с которым из года в год мы встречаемся на дне рождения у бабушки. Холодный, замкнутый, чопорный, невыносимый – вот что думала я о нем до сегодняшнего дня. Его взгляд способен вскипятить кровь в венах, прикосновение вскружить голову, а голос пробудить чувства, о которых и не знала...Алекс Аддерли – проклятье, от которого стоит бежать без оглядки. И я не стану исключением... Только вот что делать, если вы остались одни в комнате, без окон и дверей?Использованы фото «Задний вид. бизнесмен» автора ASDF_MEDIA и «Amazing woman portrait» автора Irina Bg, Shutterstock.Содержит нецензурную брань.

Часть 1

– Боже мой, какой тут воздух! – против воли прошептала я, выходя из самолета, когда легкий летний ветерок растрепал длинные русые волосы. Старший брат Робби лишь саркастично улыбнулся на мою несдержанность, когда мама не упустила шанс лишний раз научить уму-разуму:

– Роза, все в твоих руках. Мы даем тебе все возможности, а ты так яростно рвешься в ряды пролетариата!

– Она просто глупа и наивна, да, сестра? Но восемнадцать тоже не вечный возраст... В ее годы я тоже не особо трезво рассуждал, – вручив мой багаж

носильщикам, Роб осторожно приобнял меня за плечи, словно закрывая от сурового взгляда отца, а затем и вовсе указал на два кабриолета, весело выкрикнув: – Семья, кажется, у нас начинаются летние каникулы! Давайте не будем портить их руганью, а?

Каникулы... Вы когда-нибудь ловили себя на мысли, что это простое слово ассоциируется с праздником? К сожалению, только не у меня... Еще в пять лет мне казалось, что бог наградил меня всем: идеальной семьей, старшим братом и достатком, в котором не нужно считать гроши, а можно жить в свое удовольствие. Но, увы, мир не идеален.

Каждый год с начала учебы свободные от школы три месяца я проводила у бабушки... Вопреки расхожему мнению, моя бабушка не жила в забытой богом деревушке, где нужно следить за огородом и домашним скотом... Как раз наоборот! Ее поместье располагалось на Лазурном берегу, между Ниццей и Княжеством Монако.

– Ты только посмотри на это, Роза, – шепнул брат уже на подъезде к вилле: – Пять этажей, четыре бассейна, сады богаче многих центрально-городских, а из окон вид такой, что сердце трепещет. Наша семья имеет возможность каждый год проводить здесь отпуск. А знаешь почему? Потому что политика – это то, за что платят. А твои художества... Это так, плебейские развлечения.

Отведя зачарованный взгляд от шикарных белых фасадов, я засмотрелась на маникюр, который якобы требовал пристального внимания... Сколько еще лет мне придется делать вид, что издевки над моим хобби со стороны семьи никак не задевают? Сколько еще лет подряд придется проводить лето в месте, где главной темой обсуждения становится моя «бесплатная» работа?!

Брат остановил авто у самого крыльца, где уже встречали гостей бабуля Стелла и дворецкий Серж. Мне хватило лишь одного взгляда на взволнованную бабулю, как я вспомнила, почему ежегодно терплю этот террор: Стелла – мой единственный друг. Бабушка понимает и принимает меня, а я ее обожаю. И пока зарплаты не хватает, чтобы оплатить перелеты самой, я обязана терпеть насмешки и упреки.

Роб вышел из машины и сперва открыл заднюю дверь своей жене, которая умудрилась пролететь полмира с младенцем на руках. Не дожидаясь внимания

брата, я выбежала из машины и, рванув вверх по нескончаемым ступенькам, едва не сбила пожилую женщину с ног:

– Черт побери, сколько мы не виделись?! – выдохнула в ухо Стелле, когда та, смеясь, обняла меня так крепко, что затрещали кости.

– Розочка, тише! Твоей бабуле, между прочим, через неделю исполняется девяносто, а не восемнадцать! Как некоторым...

– По жизни Роза любит руководствоваться эмоциями, вы еще не привыкли к этому? – прошептала Карина, жена брата, осторожно оттесняя меня в сторону и просовывая малыша Крису между нами: – Смотри, сынок! Это твоя бабушка! Самое время показать ей, как ты научился улыбаться...

Стелла никогда не любила Карину, но проигнорировать ребенка не могла. Послав мне извиняющийся поцелуй, женщина отпустила мою руку и переключилась на малыша.

– Серж, – повернувшись к старику-дворецкому, я как всегда не удержалась от долгих объятий. Прежде широкоплечий гигант теперь казался щуплым стариком, но вот его по-детски озорная улыбка грела мне душу ежегодно. – Сколько лет прошло, а вы по-прежнему на посту, охраняете нашу любимую бабушку...

– Вот уже сорок лет как. Еще до вашего рождения, маленькая мисс, – немного смущаясь, прошептал он, а затем неловко отстранился. – Раньше вы приезжали на все лето, потом только на месяц, а в этот раз всего на две недели. Что произошло?

– Роза слишком занята «работой» и своей мазней, – едко пробурчал мой брат и, обменявшись с женой насмешливыми взглядами, прошел мимо Сержа, словно это бетонная стена.

– Не сердись на брата, – шепнула мне на ухо бабушка, заходя в дом. – Ты ведь знаешь, он всегда был остр на язык, а с молодой женой так вообще забывает о морали.

Обняв меня за плечи, Стелла осторожно переступила порог. Пройдя по небольшому коридору в проходной зал, я слегка ускорила шаг, а затем в который раз подняла взгляд к куполу, где висела старинная подвесная люстра из сотни разноцветных стекляшек. В холодные дни бабуля закрывала окна ставнями и зажигала самый центральный огонек. Обычно он крутился, а цветные картинки мультиком будто бы вертелись по громадной комнате...

Только вот сегодня ее не было, а на месте самого главного воспоминания моего детства располагалась довольно милая метровая люстра из хрусталя...

– Что за... – засмотревшись вверх, я так увлеклась увиденным, что буквально налетела на кресло. Попытавшись удержаться на месте руками, лишь перекинула себя через спинку и улетела на мягкие перины... Так должно было произойти, не сиди в нем человек.

– Вот это шоу, Роза. Порой ты меня удивляешь своим эффектным появлением, но такой феерии я еще не видел! – насмешливо пробухтел мужчина, аккуратно поправляя мое поднявшееся до талии платье. Его руки прошлись по моему телу строго по контуру одежды, не отвлекаясь ни на минуту от поставленной задачи. Но затем вернулись на талию, словно нарочно продлевая минуту моего позора и удерживая на месте. – Мне кажется или ты постригла волосы? В прошлом году они доставали до колен, а теперь лишь до лопаток.

Массивная ладонь мужчины упала на слегка вьющиеся пряди и, накрутив длинный локон на палец, потянула на себя до легкой боли.

– Роза любит поступать своевольно и нелогично, – промурлыкала Карина, наклоняясь к мужчине и целуя его в висок. – Брат, ты как обычно раньше нас! Неужели твоя корпорация изобрела телепорт?

Попытавшись отстраниться, я почувствовала, как пальцы мужчины еще крепче прижали меня к себе, фиксируясь на талии так крепко, что засосало под ложечкой.

– Алекс просто любит быть первым, любимая, – услужливо прошептал Роб, пожимая руку брата жены. – А еще он, кажется, обожает нашу дорогую бабулю так сильно, что не упускает возможности увидеться с ней лишний раз.

Алекс гортанно рассмеялся, а его грудь завибрировала, словно давая осознать, насколько близко он прижал меня к себе. Сознание медленно прояснялось после позорного падения, и я попыталась подняться, но мужчина лишь сжал тиски крепче, продолжая болтать с семьёй брата:

– Стелла – любовь всей моей жизни! И, если не считать половину ее имущества, на которую я рассчитываю, меня тянет к ней исключительно по родственным причинам! – пошутил Алекс. В комнате повисла звенящая тишина, ведь все понимали, что мужчина лучше других знал, почему мои родители каждый год с таким энтузиазмом навещают Стеллу. А именно – бесчисленные нолики на ее банковских счетах.

Дерзость Алекса настолько поразила меня, что я совсем не заметила, как его хватка на талии ослабла, а ладони плавно поползли вниз, словно оценивая формы, пока, наконец, не остановились на внутренней части бедра. И хоть под пышным подолом платья это не было так очевидно, каждая клеточка тела ощущала его прикосновения, словно это был раскаленный уголь.

– Алекс, ты же знаешь... – попытался вставить свои пять копеек брат, совершенно не замечая, какая сцена разыгрывается прямо у него на глазах. Почему даже мой родной брат настолько слеп?!

– Не суть! – грубо отрезал мужчина, обволакивая легкой хрипотцой в голосе мое растерянное сознание. Возможно, это было плодом разыгравшегося воображения или последствием не совсем гладкого падения, но я четко ощутила, как большой палец мужчины утонул в складках платья, поглаживая ногу. Не прижимая или удерживая... Нет, именно поглаживая! – Где ваши родители? Почему семейство ван Фольг прибыло не в полном составе?

– Ты же знаешь, родители любят медленную езду, – расслабленно выдохнул Робб, радуясь, что разговор ушел со скользкой дорожки. Шепнув жене что-то на ухо, он отправил ее вслед за Стеллой, которая скрылась в самом начале нашего разговора, пропустив даже мой "звездный" кувырок прямо в лапы Алекса. – Карина устала. Она отдаст ребенка няне и немного отдохнет. А мы пока можем расслабиться. Я привез бутылку шикарного скотча...

Слова брата внезапно стали пустыми и беззвучными. Я видела, как шевелятся его губы, но ощущала лишь палец, который осторожно пробирался все выше по

ноге, заставляя ерзать, словно от щекотки. Возможно, Алекса заводило сопротивление, ведь от каждой моей попытки сдвинуться с места, он все крепче фиксировал меня на месте, а палец продвигал все выше и выше... Пока я вдруг не ощутила, как что-то теплое коснулось внутренней части трусиков.

– Это переходит всякие границы! – громко закричала я, тем самым привлекая к себе внимание мило болтающих мужчин. Алекс оторопел и ослабил хватку, что позволило мне спрыгнуть с рук и отступить на пару шагов.

– Что произошло, Роза? – ошарашенно спросил Робб таким тоном, словно я была сумасшедшей, сбежавшей из клиники.

Открыв было рот, чтобы констатировать очевидные попытки домогательства на глазах родного брата, тут же закрыла. Что я должна была сказать? Ведь у меня всегда была возможность говорить, а мне почему-то хотелось молчать и ждать, чем закончатся действия Алекса. Что за адреналин бурлил в крови от прикосновений этого странного английского сноба?!

Снова посмотрев на мужчину в кресле, я удивилась его растерянному виду. Всегда такой собранный Алекс Аддерли теперь походил на подростка, которого застали за курением марихуаны. Словно... он не контролировал свои движения? Возможно ли это?!

«А если предположить, что я молчала от неожиданности, в то время как Алекс на автомате вел себя с девушками так, как привык – нагло, дерзко, грубо?» – пронеслась мысль в голове, которая почему-то подарила целую тонну опустошения, негодования и злости.

– Следующий раз следи за своими руками! – выдохнула я и, прежде чем подумала, зарядила мужчине мощную пощечину. Осознание моего поступка пришло раньше, чем ладонь успела отпрянуть от мужчины, а из горла вырвался ошарашенный стон.

«Роза ван Фольг, что ты творишь?!» – настоящим голосом матери прозвучали слова в голове, и я отступила назад, словно страшась ответной расправы.

Только вот Алекс и не думал нападать словесно или физически, он просто погладил длинными пальцами покрасневшую щеку, а затем усмехнулся, широко раскрыв глазами. Трудно поверить, но мужчина выглядел так, словно только что окунулся в холодную прорубь и протрезвел.

– Роза, ты перешла все границы! Алекс спас тебя от постыдного падения и даже поправил платье, которое задралось до самих подмышек! А чем ты ответила?! Кажется, ты уже слишком глубоко ушла в народ и придется из тебя его выбивать! – выдал нотацию Робб, отставляя в сторону бокал с бренди и быстро направляясь ко мне. Я видела, как пламя ненависти и презрения бушует в его глазах, когда рука мужчины поднялась надо мной, чтобы отвесить знатную оплеуху. – Это тебе за то, что посмела очернить...

Зажмурив глаза, я потеряла способность двигаться и говорить, как всегда было в момент стресса. Страшно признаваться в таком людям, ведь они могут воспользоваться... Не знаю, как так вышло, но перед лицом опасности я не кричала, не просила о помощи и не защищалась... Просто стояла и смотрела! На то были свои причины родом из глубокого детства, но это не оправдание. Ни в случае с Алексом, ни сейчас.

– Только посмей, маленький Робби, и я снесу твою рыжую головку быстрее, чем рухнет твоя убогая конторка в Нью-Йорке! – раздался разъярённый рык сбоку, и когда я открыла глаза, увидела лишь Алекса, который буквально на лету поймал руку брата и вывернул ее так, что тот буквально завыл, как девчонка, от дикой боли. – Тебе тридцать лет, болван! Неужели так ты собираешься решать проблемы в семье – кулаками?

– Перестань, Алекс, – из последних сил стараясь сохранить самообладание, прошептал он: – Сегодня сестра перешла всякие грани. Ты помог ей, а она проявила неуважение. Роза заслужила наказание...

– Мою сестру ты так же учишь уважению, а?! Женщину, которая родила тебе сына?! – разъярённо прорычал он.

Я видела, как и без того темные глаза Алекса почернели, как напряглись мышцы рук, натягивая темно-синюю рубашку, как слегка удлиненные волосы на голове встали дыбом, делая из идеально уложенной прически неряшливый ежик. Он выкрутил моего брата так, что тому не оставалось ничего, кроме как стонать и

просить о пощаде. По веснушчатым щекам тек не то пот, не то слезы, рыжие волосы растрепались, а слишком обтягивающая туловище рубашка треснула на спине.

– Отвечай, маленький Робби! – угрожающе прошипел Алекс, вернув мое внимание к себе.

В тот день я впервые поняла, насколько противоречивым являлся Алекс Аддерли. Пять лет назад, когда Карина впервые привезла с собой на каникулы брата, я увидела педантичного англичанина, который фыркал от любого несоответствия его канонам правильности. Не знаю, чем он так приглянулся бабуле, но уже на следующий год она пригласила его сама, и, о чудо, педант прибыл, только в обнимку с двумя светскими львицами в образе прожигателя жизни и бесчисленных капиталов. Каждый год он был разным, но не менялось одно: его взгляд. Каждый раз он смотрел на меня так, словно я букашка, ничто, помеха на его пути, пустое место. От его взгляда по всему телу проходил импульс, словно взрывная волна, после которой я запиралась в спальне и выходила из нее, только когда Алекса не было.

И сейчас, удерживая моего брата, он снова посмотрел на меня так, что пробрало до костей и свернулась кровь в венах. Словно ощущая опасность, я сделала шаг назад, а к глазам подступили слезы. Не знаю, что именно и у кого я просила, но с губ вырвалось судорожное:

– Не надо, прошу...

– Что именно не надо, маленькая Роза? – едва слышно отчеканил мужчина, а затем одними губами прошептал: – Показывать истинное место твоему брату или касаться тебя? Кажется, в обоих случаях ты оробела от восторга...

Воздух больше не глотался, хотя я пыталась вдохнуть полной грудью. Лишь черные глаза Алекса были передо мной, лишь их я видела... Что-то странное происходило в тот момент, притягательное и отталкивающее одновременно. Хотелось коснуться капли пота на его лбу, чтобы убедиться – он на самом деле живой, а не робот из сказок. Но страх, сковывающий и парализующий, не давал возможности сделать и шага в сторону.

– Что тут происходит? – раздавшийся от дверей голос мамы, которая тут же бросила маленький саквояж на пол, разорвал нашу странную энергетическую связь с мужчиной напротив. – Алекс, что вы снова не поделили?

– Хлоя, парни сами разберутся, – устало одернул жену отец, вальяжно сев на диван и прикрыв уставшие глаза рукой. – Роза, нечего тебе смотреть на драки парней. Живо к себе! Чтобы через час была готова к ужину...

Отца я слушала редко, если не сказать – никогда. Но сейчас меньше всего мне хотелось оставаться еще хоть секунду в одном помещении с мужчиной, который доводил до исступления одним своим взглядом.

– Да, отец! – бросила я уже у винтовой лестницы, намереваясь скрыться в спальне и не выходить оттуда сегодня под предлогом усталости или отравления... Не важно! Главное – больше не видеть семью и этого странного англичанина.

– Так что же все-таки произошло, дорогой Алекс? – услышала я краем уха приглушенный голос мамы. – Опять поругались из-за Карины? Могу заверить тебя, что других женщин у Робба не было со времен...

– Хлоя! – зарычал мой отец. – Еще раз поднимешь эту тему, и я не знаю, что с тобой сделаю...

Наконец, голоса перестали быть слышны, а я забежала в спальню, плотно захлопнув дверь и облокотившись на нее спиной. Дыхание было рваным, тело тряслось, а ноги совсем не держали, как вдруг тихий голос со стороны постели заставил встрепенуться:

– Роза, совсем ты не можешь без приключений, ведь правда?

– Бабуль, не понимаю, о чем ты? – медленно пошла к Стелле, которая уже сидела у меня на постели. А потом я по привычке плюхнулась на широкие подушки. – Почему ты замечаешь все мои неприятности и не видишь, какой скользкий тип постоянно ходит вокруг тебя? Брр, мурашке по телу от одного его присутствия!

– Ты об Алексе, дорогая? – посмеиваясь, спросила она. – Кажется, когда я выходила из комнаты, он, как истинный герой, спас тебя от очередного конфуза. Это ты называешь «неприятным»?

– Что?! Да он ужасен! Как только ты ушла, Алекс... Он... – прикусив язык, я вдруг решила, что не хочу огорчать бабушку поведением мужчины в отношении меня и в отношении брата. Пусть она и дальше живет в неведении. Проблемы стоит решать самой, а не перекидывать на плечи девяностолетней старушки. – Просто пусть он уедет!.. Как вообще так вышло, что ты не переносишь Карину, но любишь ее более чем жуткого брата?!

Многозначительно хмыкнув, бабуля выдала лишь свою любимую фразу:

– Поверь моему жизненному опыту, я разбираюсь в людях очень даже хорошо. Алекс прекрасный мужчина, хоть пока и сам не осознает, почему я так искренне в это верю.

Повернувшись на бок, я засмотрелась на худенькую миловидную женщину с пепельными волосами, уложенными в высокую гульку. Она была шикарна в своем темно-синем платье, сидя на золотых простынях в окружении белого балдахина. А затем я посмотрела на свое платье, купленное на распродаже в «красный» день, и, не удержавшись, сказала правду:

– Стелла, я больше не приеду. Пойми, мы с родителями почти не общаемся, а денег на поездки к тебе нет... Прошу, пойми меня правильно, но эти каникулы – наша последняя встреча.

– Чуть, – отрезала старуха, поднимая мое лицо за подбородок. – Я открою тебе счет, и ты сможешь приезжать ко мне хоть каждую неделю. О, а лучше оставайся тут навсегда!

– Не могу... Дома у меня моя скромная работа, съёмная квартира и клиенты, которые ждут открытия первой галереи, чтобы приобрести пару пейзажей... – выдохнула я, тут же придумав другой вариант: – Вот если бы ты переступила через свой странный принцип не покидать виллу...

– Ты же знаешь, что я обещала дедушке всегда быть вместе, а его могила тут... Нет, Роза... нужно искать компромисс.

Пожав плечами, я получила поцелуй в щеку, перед тем как бабушка встала и направилась к выходу.

– Зайду к тебе чуть позже. Пока прими душ, переоденься и отдохни, – обернувшись перед дверью, она подмигнула мне, а затем вышла.

Тяжело выдохнув, я откинулась на спину и закрыла глаза, застонав от удовольствия. В свои восемнадцать лет мне приходилось уже два года жить на съёмной квартире, где спальным диваном можно было пытаться людей... И вот теперь каждая клеточка тела наслаждалась мягкими перинами, нос трепетал от легкого аромата гибискуса, а пальцы с благоговением выводили узоры на шелковых простынях.

– Нет, Роза, – выдернула я себя из сонной дымки, – нужно вставать! В доме Стеллы есть прекрасная ванная. Самое время ее принять...

Набрав громадную посудину до краев, я устроилась на самом краю и, поджав ноги под себя, полчаса смотрела в окно: Лазурный берег, белый песок и бесчисленные яхты вдалеке. Кончики пальцев тут же закололо, под ложечкой засосало, а в животе стаи бабочек грозили разорвать изнутри. Это было то чувство, ради которого я отказалась от профессии политика, пошла против семьи и стала в ней изгоем – крышесносное вдохновение, у которого не было границ и пределов!

– Я срочно должна это написать! – подскочив на месте, я на ходу в спальню выхватила с полки полотенце и, протерев влажное тело и длинные волосы, откинула его прочь.

Краски и холсты были в чемодане, который оказался как раз возле постели. Я вытянула их на свет с таким нетерпением, что все выпадало из рук, а затем поставила небольшой складной мольберт на подоконник и, устроившись в позе лотоса, приступила к работе. Я полностью ушла в себя, как вдруг услышала стук в дверь...

– Бабушка... – тихо прошептала я, не в силах оторваться от картины. Руки были все в красках, тело мокрым от возбуждения, а внимание полностью

прикованным к рисунку, когда я прокричала: – Входи, дорогая! Если подождешь тихо десять минут, то я смогу потом поговорить с тобой и даже выйти к ужину... Сейчас... Еще пару мазков... Вот так!..

Дверь отворилась, тем самым подтверждая мои мысли – Стелла не стала временить с визитом. Ковер зашуршал от чьих-то шагов, кровать скрипнула.

– Если подождешь тихо десять минут, то я смогу потом поговорить с тобой и даже выйти к ужину...Сейчас... Еще чуть-чуть... Вот так!..

Какое-то время в комнате стояла абсолютная тишина – то, что было нужно для работы, это позволило закончить картину раньше запланированного. Я встала с места и отошла на два шага назад, оценивая пейзаж со стороны. Сердце трепетало, душа пела, а непередаваемое ощущение безграничного счастья заполнило сознание, когда я выдохнула:

– Тебе нравится? Черт, не могу себя сдержать при виде местных красот, так и тянет к холсту...

– Очень красиво, – раздался низкий, немного хриловатый голос. Сердце едва не упало в пятки, когда я с ужасом поняла, что это отнюдь не бабушка... Хуже этого осознания могли быть только следующие насмешливые слова: – Это очень мило, что вы так тянетесь к природе, но вам все же стоит накинуть халатик... Ну или хотя бы что-нибудь.

Это был Алекс Аддерли, а я стояла к нему спиной абсолютно голая... Не знаю, что еще должно было произойти сегодня, чтобы сделать этот день еще хуже?!

Алекс Аддерли

Проходя по длинному коридору, я разминал кулаки, стараясь перебороть желание вернуться обратно в зал и надрать малышу Робби задницу. Мало того, что год назад он посмел спать с каждой встречной шлюхой на его пути, так, оказывается, он еще способен на рукоприкладство. Разговоры с сестрой о разводе ничего не дают! А как иначе, если они из одного теста...

– Что ты натворил, мальчик?! – буквально из ниоткуда на пути появилась Стелла. Мне едва удалось вовремя затормозить и не сбить ее с пути, а бабушка еще и ткнула в меня пальцем, будто это я внезапно перегородил ей дорогу. Ее глаза сверкали гневом, а голос грозил предупреждением: – Почему моя любимая внучка вбежала в спальню на трясущихся ногах, вся в поту и с проклятьями в твой адрес, ммм?! Если ты только позволил себе...

– Стелла, – выдохнув, я собрал волю в кулак и с трудом выдавил пару лживых фраз в адрес самого невинного создания: – Послушай, все хорошо. Роза всегда была очень восприимчивой и, возможно, просто растерялась после падения...

Посмотрев в мои честные глаза, она прищурилась и отчеканила по слогам:

– Алекс Аддерли, поклянись мне памятью отца и матери, что ты не сможешь навредить Розе. Живо!

Выдохнув и трижды прокляв свою несдержанность в зале, честно ответил:

– Нет, Стелла. Я не смогу ей навредить, даже если захочу. Она такой же божий одуванчик, как и ты... К тому же еще совсем ребенок!

Стелла изобразила свою знаменитую усмешку, которой всегда показывала, что, дескать, знает больше тебя, а затем положила руку на плечо и нежно прошептала:

– Она была ребенком пять лет назад, когда ты впервые переступил порог этого дома... И даже в прошлом году, когда ей едва исполнилось семнадцать. Но девушка, которая приехала сегодня, отнюдь не дитя.

– Не могу не согласиться... – зачем-то выпалил я, тут же внутренне отругав себя за это. Ведь тогда моя прежняя ложь никак не вязалась со случайно вырвавшейся правдой. Как давно я разучился держать себя в руках?

– Ты должен извиниться, что бы там не расстроило Розу! – сделав серьезный вид и словно намеренно проигнорировав мои слова, сказала она. – Вам жить в одном доме две недели, так что переступи через себя, Алекс, и скажи это страшное слово из шести букв «маленькой» девочке.

Стелла стала для меня матерью, примером и образцом поведения в обществе, где каждый давно прогнал. Пять лет назад сестра вытащила меня на каникулы к семье мужа, а я надеялся слиться в первые три дня под предлогом неотложной работы. Но стоило увидеть Стеллу, как планы тут же поменялись. Чистая, как дитя, наивная, открытая и не испорченная деньгами женщина тут же подкупила мое замкнутое сердце, и я впервые ощутил что-то, похожее на привязанность.

– Пожалуй, сделаю это ради тебя, – сказал я Стелле на прощание, после того как галантно поцеловал ее руку и получил яркий румянец в благодарность. – Чтобы ты знала: второй раз в жизни!

Женщина ушла, а я уверенно завернул в сторону комнаты Розы. С приближением шаги становились все медленнее, уверенность таяла, а желание заходить в спальню пропадало.

Сегодня Роза упала на меня, оголившись практически до груди. Я и не понял, в какой момент мысли из «малышка выросла» переросли в разряд «а у нее чертовски соблазнительное тело». А как она ерзала на молнии брюк?! Мой член едва не прорвал молнию... И если его удалось удержать в узде, то руки... Чертовы руки испортили все! Как так получилось, что, удерживая ее на месте, я позволил себе неприличные поглаживания, устроив какой-то квест «Коснись киски»?!! Зачем я держал ее?! Зачем трогал?! Зачем ждал, когда она скажет «хватит»? Но она молчала и молчала...

– Черт побери, почему ты молчала?! – прошептал я двери, а потом слегка ударил по ней кулаком, пытаясь прийти в себя. Не вышло. Стоило только вспомнить события утра, как стыд за непристойное поведение на глазах ее брата отступал перед диким желанием молодого и упругого тела. Уверен, ее грудь такая же сочная, как и попа... – Нет. Сперва стоит успокоиться, а после идти к Розе.

Широким шагом я нетерпеливо поспешил к себе в спальню. Холодный душ не помог, даже когда я простоял под ледяными струями десять минут.

– Она ребенок, Алекс! – снова и снова повторял я себе, словно молитву: – У тебя просто давно не было секса, но Розу ты трахнуть и выкинуть из головы не сможешь, как других. Хотя бы потому, что ее бабушка заменила тебе мать.

И все равно ее упругие формы снова и снова всплывали в памяти. Я коснулся своего набухшего члена, а чувство было такое, словно снова касаюсь ее бедра через многослойное платье... Одно прикосновение к головке, и чувство, словно большой палец снова коснулся ее трусиков в секретном месте. Палец сам нашел сосок, и я ощутил пощечину, которая возбуждала не меньше, чем растрепанный вид Розы... Длинные темно-русые волосы, миниатюрное тело, кукольное лицо и большие голубые глаза...

– Да, черт побери! – рука уперлась в край душевой кабины, а в голове пронеслись картины, как ее волосы намотаны на мой кулак, а член яростно вторгается в лоно, жадно питаюсь каждым криком и стоном. Я бы брал ее жестко и грубо. Вытрахал бы до последней капли. Так, чтобы неделю не могла стоять на ногах. Так, чтобы не могла и не хотела спать ни с кем другим.

Спазмы от дикого оргазма прошли спустя пять минут, а я пришел к ужасающему выводу:

– Черт побери, Алекс Аддерли! Тебе срочно нужна любовница! Либо эта маленькая соседка станет твоей сексуальной фантазией на грядущие две недели.

Решение было принято быстро: извиниться перед Розой, а затем ограничить наше общение раз и навсегда. Интерес к девушке всегда пропадает после секса, но раз спать я с ней не могу – ладно, так и быть! Справлюсь с гормонами другим способом.

– Роб, кажется, я переборщил сегодня в зале. Как насчет примирительного бокала виски в баре вечером?

Естественно, он согласился, после чего я с чистой душой надел новый темно-коричневый костюм с рубашкой в клетку и отправился к Розе.

Не давая себе времени на долгие раздумья, я быстро постучал, тут же услышав что-то вроде «входите» или «заходи»... Не суть! Смысл я понял правильно. Дверь была едва ли не с грохотом открыта, оставив после себя дрожащие лутки и грохот по коридору.

«Что за нервы, Алекс?! Хватит трястись, как малолетняя девочка перед первым поцелуем!» – одернул себя на ходу, попутно изучая милую женскую спальню в лилово-золотых тонах. Ноги сами понесли меня к постели под балдахином, которая располагалась напротив двери и была пуста. Осторожно присев на нее, я наконец отвлекся от своих внутренних мыслей и осмотрелся по сторонам, понимая, что хозяйки комнаты нигде нет...

Взгляд мимолетом скользнул по небольшому шкафчику с принадлежностями для рисования, громадному мольберту с недорисованной лошадью на фоне какого-то английского замка, а затем прошелся по окну, возле которого стояла скульптура голы девушки...

Но затем она вдруг шевельнулась. Не знаю, с какой секунды мозг смог осознать: это была Роза ван Фольг, сидевшая у окна в позе лотоса и рисовавшая небольшой пейзаж. Ее руки так быстро шевелились, что краска маленькими точечками покрыла голое тело, а тонкие струйки пота разнесли его по телу, рисуя свой неповторимый узор...

Я должен был отвернуться, уйти, обозначить свое присутствие... Должен! Наверняка, в порыве азарта девушка и не заметила моего прихода... Но я не хотел, не мог себе позволить оторваться от идеальной спины, из-за худобы которой прорисовывалась каждая косточка; тонкая талия только подчеркивала переход к литым изгибам ягодиц, напоминавших две сочные дыньки... Все казалось таким органичным: ее руки у мольберта, невнятное бормотание самой с собой, легкое покачивание ног из стороны в сторону и тело, способное свести с ума любого скульптора, художника и просто мужчину, способного видеть.

– Если подождешь тихо десять минут, то я смогу потом поговорить с тобой и даже выйти к ужину... Сейчас... Еще чуть-чуть... Вот так!.. – азартно пробормотала она, явно принимая меня за кого-то другого.

Я открыл рот, намереваясь что-то сказать, но тут же его захлопнул. Мысли в голове перемешались, а взгляд ловил даже мимолетное движение Розы. Ее мышцы изгибались, словно под медленную струнную музыку, создавая какой-то свой, неповторимый, танец рисунка. Вспомнив о картине, которую рисует девушка, я с горем пополам оторвался от снежно-белой кожи, чтобы оценить ее творение.

«Я хочу его! Этот пейзаж должен висеть в моей спальне над кроватью!» – пронеслась в сознании уверенная мысль, а я знал, что всегда получаю желаемое.

И когда почти удалось вернуть самообладание и заставить себя встать, сказать пару слов и уйти, Роза радостно воскликнула: «да, вышло!» и подпрыгнула на месте. Слабая заколка на волосах слетела прочь, из-за чего темно-русые волосы разметались кудряшками по спине.

Я видел нечто такое завораживающее впервые: юная девушка в тусклом свете комнаты стояла лицом к обжигающему светом солнцу. Ее тонкая талия, плавно переходившая в упругие ягодички, слегка изгибалась от нетерпения, когда она спросила что-то, но я услышал лишь:

–...Тебе понравилось?..

Слова Розы били обухом по голове. Да, черт побери, мне понравилось! Ее тело не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел раньше. Оно будило давно забытое желание создавать скульптуры. Ее усердие, вдохновение и желание жизни вдохновляли. Нет, Роза ван Фольг не была просто безумно сексуальной и милой оболочкой, как я всегда думал, она была вихрем, который уносил в свои дали, бодрил и сводил с ума!

Взгляд мимолетно зацепился за часы. Сорок минут прошли словно одна секунда! Как?

«Нет, Алекс. После увиденного ты просто не можешь даже думать о Розе, как о женщине, с которой можно сбросить пар. Она достойна большего. Срочно извиняйся и уезжай куда подальше отсюда!» – прокричал взволнованный внутренний голос. И ему было за что переживать. Выстроенный за годы жизни мир без чувств, эмоций, сострадания рухнул в один день. И почему? Из-за какой-то молоденькой девчонки!

Натянув саркастичную улыбку, я вальяжно откинулся на спинку кровати и насмешливо процедил сквозь зубы, пытаюсь скрыть истинные чувства и явные желания:

– Очень красиво! Это очень мило, что вы так тянетесь к природе, но вам все же стоит накинуть халатик... Ну или хотя бы что-нибудь.

Спина Розы напрягалась с каждым словом, пальцы ног поджались, а руками она до покраснения вцепилась в бедра. Против воли я в последний раз прошелся взглядом по ее упругому телу и, прошипев сквозь зубы пару ругательств, поймал себя на стояке, грозившем в который раз за день порвать мне новую одежду. Серьезно?! В тридцать пять лет?!

– Х-халат на к-кровати... – едва слышно прошептала она, вызывая неконтролируемое желание обнять и успокоить маленького цыплёнка... Такая нежная, испуганная, соблазнительная, сексуальная, манящая...

– Да черт тебя дерит, что такое со мной! – прошипел я уже вслух, сам не понимая, кому и зачем, а после схватил темно-синий халат с кровати и кинул Розе, не из желания обидеть, а скорее от бессилия и нервов. Естественно, стоя спиной, девушка не успела его поймать. Он упал прямо к ее ногам, и, чтобы поднять одежду, ей нужно было повернуться, тем самым обнажив себя еще больше.

«Молодец, Алекс. Ты полный придурок. Так хочется вживую увидеть голую грудь?!» – пронеслось в сознании, и я согласился с внутренним моралистом, который просыпался во мне от силы пару раз в год.

– Ты издеваешься, да, Алекс? Что я такого тебе сделала? За что?!..– хлюпая носом, еще тише прошептала Роза. Горло охрипло, ноги одеревенели, а все мысли тут же покинули голову. Но Роза не дала мне ответить, она тяжело выдохнула и собранно попросила: – Закрой глаза и отвернись. Прошу, без сюрпризов.

– Я могу выйти... – зачем-то сказал, прекрасно понимая, как по-идиотски это звучит, что тут же подтвердила и Роза:

– Если бы мог, уже вышел! А еще лучше – не входил... Так что, будь добр, хотя бы просто закрой глаза. И, чтобы ты знал, мне видно тебя через отражение в ручке окна: я вижу, что ты до сих пор рассматриваешь мой зад!

Демонстративно закрыл глаза, и мне впервые в жизни захотелось провалиться сквозь землю. Активно размышляя и продумывая дальнейший план действий, я

действительно перестал подсматривать, как вдруг что-то острое уперлось в плечо, а затем я ощутил удар.

– Ай, Роза, ты что?! – открыв глаза, внезапно увидел нависшую надо мной Розу. Странно, но слезы высохли, и теперь ее голубые глаза метали молнии, пока длинный ноготок, не переставая, тыкал мне в плечо.

– Ты, Алекс Аддерли, перешел все границы! Происшествие в зале и так слишком возмутительно... А теперь еще вламываешься ко мне в спальню. С чего ты вообще решил, что тебя тут ждут?! Может быть... – внезапно Роза замерла, а в ее глазах появилось осознание. Она отскочила от меня, словно я внезапно вылил на нее тазик помоев и продолжаю это делать снова и снова, ее слова были пропитаны болью, а глаза блестели от новой порции слез, когда девушка нехотя прошептала: – Подожди-ка! Похоже, сегодня утром ты решил, что я доступная женщина и считаю нормальным, когда мужчины строем ходят ко мне в спальню и трогают во всех местах, да?! Именно это ты подумал?!

Выдохнув, я попытался спрятать внутри какой-то странный комочек недоговоренности и встал с места, примирительно выставляя руки вперед:

– Роза, я хотел извиниться, и все. Но ты была занята, так что я решил подождать, пока освободишься, – на секунду она растерялась, и мне удалось отвести взгляд к ее плотно облегающему тело халатику и острыми сосками под ним, а затем, наконец, сказать: – Прости. То, что произошло в зале, недопустимо. Мне жаль, и я не собираюсь это повторять. Это была... механическая случайность.

– Механическая случайность?! Дай угадаю, сейчас тоже «случайность»?! – отчеканила она, будто это было самое глупое, что она когда-либо слышала, а затем злобно выплюнула: – Ты, Алекс Аддерли, самый мутный, скрытный и неприятный тип из всех, которых я знала! Ты лапал меня прямо перед братом, затем вломился в комнату и наблюдал, пока я рисовала голый. Что будет следующее?! Станешь караулить и наблюдать ночью, а?! Затем изнасилуешь в углу и скажешь, дескать, «механика» сработала?! Знаешь, лучше иметь репутацию чопорного сноба-бабника, чем тупицы-насильника...

– Что?! Неужели ты, маленькая ван Фольг, подумала, что я заинтересован тобой?! Что ты хоть немного похожа на тех изысканных женщин, которым позволено иногда погреть мне постель?! Ой, подожди! А быть может, ты

решила, что я влюблен, а?! – внутри закипела ярость, включился режим босса, а желание отшлепать ремнем ее слишком много о себе возомнившую задницу все увеличивалось.

Я сделал несколько шагов вперед и с каким-то внутренним чувством блаженства увидел, как Роза отступает. Она уперлась спиной в шкаф и замерла, уставившись своими огромными глазами на меня, словно на нападающего тигра. Но я уже не мог остановиться... Какое-то странное желание заставляло все подступать и подступать, пока маленькое тельце не уперлось в мое и не оказалось в тисках. Я ощущал, как Роза дрожит, чувствовал даже через ткань, как ее соски трутся о рубашку, а шелк халата скользит по брюкам, обнажая бедра все выше.

– Страшно? – тихо шепнул, наклоняясь к самому уху девушки. Дивный запах заполнил легкие, окончательно помутив сознание и заставив еще ниже склониться губами к мочке... Тихий, почти неслышный всхлип вырвался из ее приоткрытого ротика, колени подкосились, а сама Роза едва не упала, но я вовремя подцепил ее за талию и удержал, буквально укладывая на себя сверху. Но и этого было мало, чтобы остановиться... Я хотел большего, хотел ее реакции, открытого возбуждения, признания капитуляции и моего превосходства. Губы коснулись пахнувшей розами мочки уха, а затем язык очертил знак бесконечности. Тихое "ах" и протяжный вздох вырвались, казалось, из глубины души девушки, а ее дыхание стало похоже на одышку, когда я довольный собой прошептал ей на ухо:

– Ты совершенно меня не интересуешь, маленькая ван Фольг. Неряшливая, крикливая, маленькая, взбалмошная девочка – вот кто ты. Так что спрячь свои фантазии и мечты куда подальше. Я уже извинился, так что прошу на этом закончить любое наше общение.

Роза

Алекс был близко... Слишком близко! Его дыхание смешивалось с моим, тела будто стали единым целым, а надменный голос Аддерли буквально звучал у меня в голове:

– Часто ты так дрожишь и падаешь от желания к ногам мужчины, а? – его рука на моей талии слегка шевельнулась, буквально показывая, что я вишу в воздухе и не падаю только из-за милости мужчины, грудь завибрировала от легкого надменного смеха, пока голос саркастично прохрипел: – Розочка, кажется, ты совсем растерялась, да, ребенок? Может, тебе помочь...

Не знаю, что происходило со мной и моим чертовым телом. Еще когда Алекс наступал, я вдруг поймала себя на ужасной мысли, что не только до жути боюсь его приближения, но и жду. Да, именно жду! Будто это какая-то безумная игра «Вызови во мне гамму эмоций, о которых я ранее и не подозревала».

А затем он все же приблизился, взял меня в капкан своих рук и... укусил за мочку уха. По телу прошел мощнейший разряд, кончики пальцев онемели, а ноги стали ватными. Кажется, я что-то бормотала, когда едва не свалилась к ногам Алекса, но тот удержал меня, а после мучил снова, хотя вроде как настаивал на прекращении общения. Что на самом деле в голове у этого противоречивого мужчины?!

Попытавшись взять себя в руки, я слегка потрянула головой и уперлась ладонями в его грудь. Клянусь, он вздрогнул, словно от удара! Но не успела я отпраздновать победу, как он тут же оправдал свое поведение:

– Честно говоря, я просто хотел уйти и дать твоим гормонам передышку! Но ты, видимо, приняла мое предложение о помощи несколько иначе...

– Нет, Алекс, – тихо и совсем неправдоподобно шепнула я, а затем сама же и поморщилась – так жалко это звучало со стороны: – Ты не нравишься мне, и я больше всего на свете хочу больше никогда тебя не видеть.

– Я почти верю твоим словам, – в одну секунду Алекс убрал руки с талии и прижал к стене лишь одним своим телом, одна его рука упала мне на подбородок, заставив поднять взгляд на него, а другая внезапно легла на грудь, сжимая ее так сильно, что я едва не потеряла способность дышать. – Твой голос звучит так уверенно, пока тело противоречит... Соски стоят, как каменные, ноги ватные, а тело трясет, как после трех выкуренных кальянов... – рука на груди ослабла, но не успела я расслабиться, как большой палец нашел сосок и осторожно повел им по кругу, вызывая странный спазм между ног, где его колено прижало меня к стене. – Спорим, если я залезу тебе в трусики, окажется,

что ты чертовски мокрая?

Он смотрел мне в глаза так глубоко и пронзительно, словно искал в них клад или давно запрятанное золото. Могу поспорить, это заставляло чувствовать многих девушек в его руках себя пьяными и особенными... Но если первую стадию я уже прошла, то после последнего предложения окончательно отрезвела.

Мои руки теперь уже уверенно уперлись в его грудь в попытке оттолкнуть, но сил был мало. Аддерли невозмутимо делал вид, что ничего не происходит, так что действовать я решила словесно:

– Я знаю тебя пять лет. Пять лет подряд мы проводили каникулы в одном доме, и все, чем ограничивалось наше общение, – приветствие. Не скажу, что я была расстроена, Алекс. Мне хватало этого, – непрерывно глядя в его глаза, уверенно высказала я. – Не скрою, ты красивый мужчина. Уверена, твое мускулистое тело, мужественное лицо и костюм с иголочки сводят с ума дам. Но они никогда не заглядывали так глубоко, как я. И знаешь, что я видела из года в год? Мужчину, который живет работой и прожигает свою жизнь. У него нет семьи, настоящих друзей и тех, с кем бы он хотел отпраздновать День рождения и Новый год. А знаешь почему? Потому что люди для тебя – половая тряпка, а женщины – надувные куклы с встроенной дыркой под твой член. И когда я вижу твое лицо, мне не виден шикарный облик, Алекс Аддерли. Я вижу твою душу. Только черную, грязную и пустую душу, где есть место только тебе и твоим интересам.

Я выдохнула эти слова и замерла, понимая, что сказала больше, чем хотела. И пусть это была правда (мужчина напротив всегда вел себя так, словно все вокруг него – плебеи, а те, кого он допускает, выиграли в лотерею), мне не стоило говорить этого. Ведь на секунду, такую маленькую и едва уловимую, я увидела горечь в его глазах и боль человека, который не достоин таких слов. Словно глубоко внутри этого куска льда все же был человек лучше нас всех... Но если это и была правда, то мне уже никогда не узнать, ведь в следующее мгновение он снова стал собой, а черные глаза горели лишь презрением и злобой.

– Знаешь, как я поступаю с такими выскочками, как ты? Учю их жизни и ставлю на истинное место! – с лютой ненавистью отчеканил он, а затем его пальцы до боли сжали мой подбородок, словно намереваясь оторвать от лица. – Ты ничего

не знаешь обо мне, моей жизни и душе. Думаешь, если рисуешь картины голой у окна, сразу превратилась в великую жрицу? Тебе всего восемнадцать, а мне тридцать пять лет...

Не знаю, что случилось в тот момент, но я больше не смогла выдержать взгляд мужчины и закрыла глаза. Это был словно конец схватки, а из глаз покатились слезы. Образ уверенной и неприступной девушки рухнул и стекал на шелковый халат слезами, оставляя на нем позорные капли.

– Прошу, Алекс, прекрати... – тихо прошептала я, прерывая мужчину. – Я не хочу бороться, что-то доказывать или обидеть тебя. Прости, прошу. Конечно, я не имела права... Это все эмоции и нервы. Порой я слишком эксцентрична...

На минуту в комнате повисло молчание, я утонула в своих мыслях и слезах, словно очищая душу от всей той грязи, что вылил на меня мужчина, а потом и я ему в ответ. Тишина не была неловкой, как раз наоборот, словно успокоила нас обоих и привнесла некое перемирие.

Я ощутила что-то теплое на лице и, когда открыла глаза, увидела, как палец Алекса осторожно, словно с опаской, стирает слезы у меня со щек. Его взгляд вдруг показался мне открытым, когда он слегка усмехнулся своим мыслям и тут же тихо сказал:

– Ты настоящая художница, Роза. За сорок минут ты успела десять раз сменить настроение и написать прекрасный пейзаж. К тому же... – он неожиданно замялся и, словно задумавшись, проследовал пальцем по шее вплоть до выреза халата, стирая очередную мокрую дорожку, – не верь взрослым мужчинам, честь которых смогла задеть вчерашняя школьница. Возможно, этой школьнице просто удалось пробудить в мужчине всю палитру эмоций. Впервые за долгие годы.

На моих губах появилась осторожная улыбка, когда я тихо шепнула, почему-то неотрывно следя за губами мужчины:

– Это уже больше похоже на извинение. Пожалуй, его я могу принять.

Легкая морщинка появилась на щеке, когда он криво улыбнулся, а с правой стороны образовалась небольшая ямочка. Внезапно до боли захотелось

коснуться ее пальцем, очертить контур губ, а затем попробовать их на вкус...

«На вкус?! Что за ахинею ты несешь, Роза. Кажется, у кого-то на самом деле бушуют гормоны!» – вывел из опьянения голос разума, и я снова вернулась к глазам Аддерли.

– Это не извинения, Роза ван Фольг. Это констатация факта! – уверенно сказал он, и я вдруг утонула в эти черных глубинах, которые на момент перестали казаться такими пустыми и холодным. Вдруг показалось, что человек напротив словно бездонный океан, в который так и хочется нырнуть, даже если есть шанс не выплыть обратно. Моя рука первой легла на его щеку, затем аккуратно провела против роста волос, и едва отросшие волоски слегка почесали кожу пальцев. Алекс тяжело задышал и слегка наклонился вперед, а я, следуя первобытным инстинктам, закрыла глаза...

Как вдруг кто-то постучал в дверь, а бодрый голос бабушки вернул меня к здравомыслию:

– Милая, это я. Можно войти?

– Секунду, ба! Я только вышла из душа... – громко крикнула я, отталкивая Алекса и отпрыгивая в сторону. В голове пронеслись сотни мыслей, но лишь одна казалась наиболее здоровой в тот панический момент: – Лезь под кровать, Алекс. Живо!

– ЧТО?! – шепотом закричал он, а затем глянул на высокую постель с балдахинном. – Ни за что. В чем проблема выйти через дверь?

Глянув на спокойного мужчину в полном непонимании, я нехотя пояснила очевидное:

– Я «только что» вышла из душа, а в моей спальне взрослый мужчина. Ничего не режет слух?!

– Черт! Что за детский сад... – простонал Аддерли, а затем снова глянул на кровать и несогласно замотал головой. Его взгляд сканером прошелся по комнате, пока не остановился на окне. – Вот. ТО, что нужно – балкон.

Часть 2

Повернувшись к окну, я нервно следила, пока Алекс пройдет за дверь и спрячется под плотной лиловой шторой. Оставалось только гадать, выйдет ли кто-то на балкон своей комнаты и увидит ли там стоящего за моим окном Аддерли?

Сбросив наваждение и натянув приветливую улыбку, расправила халат и громко прокричала:

– Заходи, бабуль.

Стелла вошла в комнату тут же, будто следила за каждым моим вздохом. На ней было темно-красное платье с расшитым подолом и вырезом. На шее висели бусы из жемчуга, связанные петлей, на ногах – туфельки на небольшом каблуке, а светлые волосы уложены в аккуратные кудряшки.

– Стелла, ты даже стрелки нарисовала и губы красным подвела! – засмотревшись на бабулю, с восхищением воскликнула я. Женщина смущенно улыбнулась и отвела взгляд к полу, позволяя легкому румянцу тронуть ее щеки. – Видел бы тебя дедушка...

– Он всегда видит. Годами я ощущаю его присутствие рядом, но, когда вы приезжаете всей семьей, в два раза острее... – бескомпромиссно заявила она, поднимая на меня уверенный взгляд, как вдруг ее глаза непонимающе прошлись по халату и вернулись к лицу: – Девочка моя, с тобой все хорошо?

– А что не так, бабуль? – еще раз нервно поправив волосы, халат и переминаясь с ноги на ногу, я боролась с желанием посмотреть за штору. Наверняка, Алекс был там и даже не удосужился перейти на сам балкон. Зачем? Если в самой спальне можно подслушать чужие секреты!

– Твои волосы сухие, пальцы в краске, а по телу пятна от нее же... А еще ты вся красная и взбудораженная, что ли?.. – недоверчиво пробурчала она, пока не засмотрелась мне за спину и довольно не воскликнула: – Розочка, неужели новая

картина?! Она чудесна. Обожаю твои шедевры с пылу с жару. Подаришь мне ее?

– Прости... Конкретно эту я обещала другому человеку, но следующую обязательно подарю тебе! – сказала прежде, чем подумала, и тут же снова покраснела.

«Кому это ты там обещала картину, Розочка? Ты же не собираешься вручить ее Алексу Аддерли в знак извинений за свой длинный язык, правда?!» – пристыдил меня внутренний голос, заставив нервничать еще больше.

– Странная ты сегодня... – задумчиво протянула Стелла, постучав длинным красным ногтем по подбородку, но, увидев мой испуганный взгляд, тут же хлопнула в ладоши и, натянув улыбку, плюхнулась в кресло у кровати: – Не суть. Если захочешь, сама расскажешь... На самом деле я не просто так пришла к тебе пораньше... Зная твой эксцентричный характер, решила не рисковать и предупредить о сюрпризе, который собираюсь преподнести тебе во время обеда при всех! – закатив глаза, я попыталась вставить свои пять копеек, но бабушка грозно шикнула и подняла палец вверх с враждебным видом. Как бы я не любила подарки, перебить ее не решилась. – Так вот. Я организовала тебе тур на семь дней в Ниццу, а именно – трансфер на вершину Замковой горы!

– Ба, но это же... – все мысли тут же вылетели из головы, а внутри проснулся ребенок, который до трепета в душе всегда хотел оправиться в самый прекрасный своей историей город – Ниццу. Еще с десяти лет я мечтала подняться на Замковую гору и написать пару пейзажей, но родители были против... Прошлым летом я рассказала Стелле о своей мечте, и теперь она осуществила ее по щелчку пальцев. Так, словно это пустяк и мелочь жизни. – Ба, это очень дорого... Я коплю на это деньги и, возможно, лет через десять...

– Не обсуждается! – грубо прикрикнула она, поражая меня своим стержнем, непоколебимостью и решимостью. – Завтра на рассвете ты вылетаешь на моем личном вертолете. Через семь дней, прямо к торжеству, вы прибудете обратно. Ночевка у друидов, оплаченный гид и сотни мест для идеального пейзажа – вот что тебя ждет.

– Стелла ван Фольг, я не могу принять от тебя подарок дороже тысячи долларов. Мы, кажется, еще два года назад, когда я съехала от родителей, установили правило: не дарить подарок другому дороже, чем его возможности, чтобы

можно было честно отблагодарить, – прошептала я и, не в силах устоять на ногах, упала на кровать. Еще раз взвесив все «за» и «против», подавила в себе ребенка с лозунгом «хочу!» и уверенно заявила: – Нет. Принять я не могу. Один перелет стоит баснословных денег, а твой дом хоть и близок к морю, но далек от цивилизации.

– Мне будет девяносто, милая, – грустно прошептала бабушка, и когда я с удивлением подняла на нее взгляд, то увидела, как слезы стекают по ее щекам. – Девяносто! На моем счету куча денег. Все вокруг только и говорят: «Эй, Стелла! А на кого ты переписала дом? Автопарк? Завод? "Ягуара"? Ты ведь понимаешь, нет ничего и никого вечного!». Каждый раз, слыша нечто подобное, я вспоминаю тебя, которая мечтает... просто увидеть, а не купить. И знаешь, где-то месяц назад я вдруг осознала, что не хочу ничего сильнее, чем осуществления твоей мечты. Если ты не сделаешь это для меня... Что же. Ладно. Пожалуй, я переживу. Но годы не будут длиться вечно, Розочка... Подари мне неделю осознания, что я хоть что-то правильно сделала в этой жизни, кого-то воспитала достойно! Прошу... Дедушка бы сказал тебе спасибо.

– Стелла ван Фольг, – мое тело трясло, словно в приступе эпилепсии, от сдерживаемых рыданий, слезы нескончаемым потоком текли из глаз, когда я с глупой иронией тихо прошептала: – Как тебе удалось одной речью задеть все мои болевые точки и использовать скрытые приемы, а? Так не честно. Ты просто не оставляешь мне выбора!

– Смешно! Я уговариваю кого-то принять подарок, а не наоборот... – прошептала довольная Стелла, вытирая слезы и натягивая улыбку. – Малышка, ты – моя единственная гордость в этой семье. Как ван Фольгам удалось не раздавить в тебе деньгами такую чуткую натуру? Ты ведь понимаешь, что, стоило бы тебе попросить, любой подарок в моем исполнении был бы у твоих ног. Любой. Только попроси!

– Знаю, бабуль. И благодарна тебе, что не наседаешь, а принимаешь меня такую, какая есть... – тихо прошептала я и тут же засмотрелась в глубокие глаза Стеллы, словно это было зеркало. Внезапно в памяти всплыли некие подробности ее подарка, и я решила уточнить: – Ты говорила «вы», когда рассказывала про путешествие. Речь шла обо мне и гиде?

– На самом деле всего вас будет четверо: ты, гид, пилот и... Роман Гаудсман... – многозначительно улыбаясь, победоносно заявила она. Мой подбородок едва не

разбил пол в комнате, когда бабуля громко рассмеялась и тут же пояснила: – Да, Розочка, твоя первая любовь тоже прибыл на каникулы! Пару недель назад Ромочка заходил поздороваться, я показала ему твои фото, и теперь он просто горит от желания увидеть свою первую любовь. Он признался, что посетить Замковую гору было вашим общим желанием, и убедил меня, дескать, одну тебя отпускать не стоит, а он присмотрит за тобой как следует.

– Не верится, так много времени прошло с нашей последней встречи... – тихо прошептала я себе под нос, вспоминая себя пятнадцатилетнюю и молодого блондина, с которым мы провожали закаты и встречали рассветы за руку. Он любил рисовать, природу и, как оказалось, девушек. Из-за последнего увлечения наше общение и прекратилось.

– Он так возмужал! Теперь ему двадцать один, и он закончил юридический факультет. Год перед магистратурой он решил путешествовать и, кажется, собирается это делать с тобой... – продолжила речь бабушка, но, увидев мой осуждающий взгляд, тут же встрепенулась: – Что? Он изменился, Роза. Теперь это взрослый мужчина, а не парень, который не устоит перед первой юбкой. К тому же он убедил меня, что одной тебе ехать в горы нельзя. Так что либо ищи себе другого компаньона, либо поезжай с Романом.

Не дав мне возможности ответить, Стелла подскочила с места и, словно нашкодивший ребенок, рванула к выходу. Пока я осознавала все новости, она с детским хохотом выскользнула вон и захлопнула двери с фразой:

– Сколько можно быть одной? Найди уже себе любовь!

От сквозняка штора на балконе поднялась, привлекая мое внимание, а я тут же опомнилась. Ведь об Алексее я забыла подчистую! Как много лишнего он успел услышать?!

Подойдя к шторе, я резко одернула ее, но там никого не оказалось. Собственно, балкон тоже порадовал меня своей пустотой. И лишь небольшое кресло у шторы с целой горой переломанных веток говорило о том, что там кто-то был.

– Кто-то с расшатанными нервами и без чувства самосохранения! – крикнула я вниз с третьего этажа, внимательно рассматривая толстые корни винограда. Мог ли лондонский педант, Алекс Аддерли, позволить себе шалость спуститься вниз

таким варварским способом?! – Я уже ни в чем не уверена... Ни в чем!

Алекс Аддерли

Стоять за шторой было более чем унижительно! Двадцать пять лет назад, когда мне было десять, я впервые напился до белой горячки и безумно захотел попробовать папин праздничный торт. Но даже когда пятьдесят человек гостей, заставших меня за его поеданием, с осуждением отворачивались от моего замазанного лица, я не ощущал себя настолько низко павшим!

Мало того, что я был вынужден слушать трогательный и очень личный разговор Розы со Стеллой о поездке на Замоктовую гору, так еще и объявился какой-то Роман...

Семь дней наедине с голубоглазым молодым блондином. Первой любовью! Чувствуете? Пахнет круглосуточным, безостановочным и крайне развратным сексом! Уверен, они даже не доедут до этой чертовой горы и начнут трахаться прямо в вертолете!

«Правильно, Алекс! Ты "разогрел" Розочку и теперь управляешь ее в медовый месяц с каким-то хмырем! Подари им вагон презервативов и благослови на секс на свежем воздухе!» – шептал настойчивый внутренний голос так насмешливо, словно в происходящем была моя вина.

Странно, но тело неприятно потряхивало. Руки то и дело тянулись одернуть штору и обозначить свое присутствие перед Стеллой. Странно, ведь это сразу бы рассекретило, чем мы тут занимались до ее прихода. Точнее, почти занимались...

Голова разрывалась от сотни мыслей, хотелось куда-то бежать, что-то делать... Так что, тихо отступив назад, я оказался на небольшом балконе и сел в широкое кресло. Массивная ветка дуба закрывала меня от солнца и случайных прохожих. Только вот я расплатился с деревом целой кучей сломанных веток.

Странные идеи то и дело лезли в голову: запретить Розе ехать в путешествие; заставить Стеллу передумать; заплатить этому чертову Роману, чтобы он не

сопровождал бывшую возлюбленную...

«Отличный план! Тем самым ты убьешь несколько зайцев: заставишь Розу остаться и дискредитируешь в ее глазах недолюбовника!» – поддержал внутренний психопат.

– Нет уж, пора заканчивать это безумие! – вслух прошипел я и, тихо подойдя к краю балкона, просчитал, что по устойчивой лозе винограда можно без труда слезть вниз. – Самое время вспомнить детство.

Все оказалось проще, чем я даже себе мог представить. Тело человека творит чудеса во взвинченном состоянии! Уже около первого этажа я просто спрыгнул, сбив листву, и направился к центральному входу.

Злость. Ярость. Желание свернуть чью-то конкретную шею – вот что бурлило внутри. Я шел по коридору и думал, что схожу с ума, ведь всерьез обдумывал, как отговорить Розу от поездки. Но почему? Почему мне так не хотелось, чтобы эта маленькая, язвительная, сексуальная художница уехала из дома даже на день, а уж про парня я вообще молчу...

– Алекс? – проходя мимо небольшой гостиной, краем глаза заметил сидевшего в кожаном кресле Робба. Судя по покрасневшему лицу рыжего парня, он уже успел приложиться к горячительным напиткам в гордом одиночестве и теперь, активно указывая на бутылку, манил меня к себе полупустым бокалом: – Дружище, иди сюда! Нам нужно выпить на брудершафт и забыть все разногласия, не думаешь?

Еще только увидев омерзительное пьяное лицо малыша Робба, я захотел снова прочистить ему мозги своим кулаком и уйти прочь. Сперва этот урод посмел изменять моей сестре, а затем поднял руку на свою сестру? Одного лишь испуганного взгляда Розы в воспоминаниях хватило, чтобы пальцы в кулаках хрустнули, а зубы скрипнули.

– Да ладно тебе, Алекс, – застонал парень, увидев, как я застыл в проходе. – Если не хочешь по-дружески, ладно! На самом деле у меня есть к тебе дело...

– Я не собираюсь иметь с тобой дел, малыш Робби! – резко повернувшись к мужу сестры, я заставил Робба подпрыгнуть на кресле и поперхнуться выпивкой. Это

вызвало небольшую усмешку и заставило расщедриться на еще одно предложение: – Лучше бы ты укладывал Крису, чем бухал целыми днями!

– Крис спит у няни, а твоя сестра уехала к косметологу с мамой. Они пропустят обед, – зачем-то сказал он и тут же нахмурился. Было не трудно догадаться, что моя сестра снова вынесла мозги мужу, за это я любил ее особенно сильно. – Я уже давно понял, что ты не хочешь иметь со мной никаких дел в бизнесе, Алекс. Так что эта... хм... просьба касается нашей семьи, а точнее Розы.

Тело словно ударило молнией от одного упоминания младшей ван Фольг. Ноги сам поднесли к свободному дивану, руки выхватили бутылку из рук Робба, и, только плюхнувшись на мягкую кожу и отхлебнув скотча, я равнодушно сказал:

– Слушаю.

– Всегда знал, что Роза у тебя на особом счету... – едва слышно прошептал Робб, но тут же заткнулся, когда я послал ему свой коронный взгляд. Парень осмотрелся по сторонам, словно убеждаясь, что мы одни в комнате, прежде чем сказать голосом, который словно раскрывал какую-то тайну: – Сегодня Стелла планирует подарить нашей Розе тур на Замковую гору.

В комнате повисло молчание. Торжествующий взгляд напрягал, а кулаки сжимались все сильнее, ведь Роб продолжал тянуть, не переходя к сути.

– Бабуля выделила ей свой вертолет, оплатила самого дорогого гида и проживание в лучшей гостинице Ниццы. К тому же закрытая часть Замковой горы «выкуплена на неделю только для внучки старшей ван Фольг!» – последние слова парень процитировал едким голосом, словно сам факт раздражал Робба больше всего на свете. Выдав свои грязные мысли, он многозначительно посмотрел на меня и серьезно заявил: – Бабушка тратит свой ценный капитал! Буквально выкидывает его в мусор...

Сделав еще пару глотков, чтобы не убить полного придурка напротив, я все же почти спокойно ответил:

– В прошлом году Стелла вытащила твою фирму из кризиса, оплатив все долги кредиторам. В этом году она рассчиталась за все карточные долги твоего отца. Если не ошибаюсь, то все средства передвижения семьи ван Фольг были

подарены Стеллой. И ты говоришь... что она расточительствует на Розу?!

– Да брось... – рассмеявшись, Робб залпом допил скотч и тут же презрительно протянул: – Роза ушла от нас в шестнадцать и живет в крохотной комнатке на окраине города. Ты бы видел эти трущобы! Зачем ей такая роскошь от Стеллы? Мне кажется, она хочет подрезать наследство и забрать его себе, как думаешь?

Все. Это был предел. Бутылка полетела в стену, а я сам резко вскочил с места и накинулся на сжавшегося Робба. Мой кулак уже летел в его челюсть, когда тот быстро протараторил:

– Все! Я уже понял: ты так не думаешь! Моя просьба заключается в другом: Можешь ТЫ поехать с Розой на Замковую гору? У меня опасения касательно ее друга Романа...

Я завис в воздухе и задумался: дать малышу Роббу пояснить или не вестись на провокации? И тем не менее странный зуд в груди не дал выкинуть из головы и так тревожившую тему отъезда Розы, так что я медленно сел на диван обратно. Мой кулак был наготове, а взгляд следил за каждым движением Робба, когда я многозначительно отчеканил:

– Что ты сказал? Поясни.

– Знал, что тебя это тоже заинтересует, – попытался пошутить парень, но тут же заторопился перейти к сути: – Роман с трудом закончил учебу, а потом выпросил у родителей год отдыха в Ницце. Ему двадцать два, корочка о высшем в кармане, а отец давно приберег ему тепленькое местечко...

– Все еще не вижу сути в твоих словах. Ближе к делу! – рявкнул я, уже всем сердцем ненавидя этого мажора-блондина.

– Хорошо, – нахмурился Робб, – Роман всегда умело ездил по ушам Розе. Она доверчивая и местами глупая до безобразия... В общем, я боюсь, что она поведется на его рассказы о шикарной свободной жизни и вместо учебы укатит путешествовать с этим Романом по миру. Представляешь, какая жизнь ее ждет? Что скажут люди?

Парень всерьез попытался изобразить волнение на лице, но вышло мерзко. Мой цепкий взгляд сразу определил, что тут пахнет жареным: малышу Роббу что-то надо от Розы, а Роман может как-то помешать. И я не выйду из этой комнаты, пока не узнаю правду.

Тяжело вздохнув, я растрепал уложенные волосы, а потом, окончательно потеряв самоконтроль, ударил по столу что есть мочи. Роб подпрыгнул в кресле, но ничего не сказал.

– Вот информация: ты хочешь, чтобы я поехал с Розой в путешествие. Причина: жалеешь денег и боишься оставлять ее наедине с Романом. А теперь послушай меня очень внимательно, малыш Робби! Десять лет своей жизни я посвятил военному делу, так что могу лучше любого полиграфа определить ложь. Тебе плевать, распущенной ли будет Роза и как на нее повлияет Роман. Даже если ее трахнет бомж в переходе – тебе плевать! Только... если тут не задеты твои интересы... – парень отпил скотч и тяжело сглотнул, тем самым дав понять, что я не ошибся. Что-то малыш мутит, и скоро мы это узнаем. Нагнувшись к нему вплотную, я постарался внушить ему на подкорку, высечь в памяти, заставить уяснить: – Говори честно, Робб. Иначе дел не будет.

Долго его глазки моргали в сомнениях, кадык дергался, а волосы на голове медленно вставали дыбом от напряжения. Как вдруг он сдался:

– Ладно. Я скажу тебе... – допив залпом выпивку, он едва слышно прошептал: – В шестнадцать Роза ушла из дома и теперь живет отдельно, как ты знаешь. Но не знаешь почему... Родители пытались запихнуть ее в лучший вуз страны на юридический, а она хотела стать художницей... Так вот, Роза поступила, но мать с отцом психанули, позвонили кому нужно, и после этого Роза стала персоной нон грата во всех вузах страны, кроме выбранного отцом.

С трудом представляя, что такая история смогла пройти мимо меня, я снова не удержался от удара по ни в чем не повинному столу и тут же продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bushar_sandra/segodnya-ty-moya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)